

A woman with long, wavy red hair and a crown stands in a grand, dimly lit room. She wears an elaborate red and gold gown with a deep V-neckline and puffed sleeves. A red velvet cape is draped over her shoulders. She is also wearing a white corset, white stockings, and high heels. The background features stone walls, a large red curtain, and a candelabra with lit candles.

Александр Эрот

*Запретная
страсть
графини
Дюбарри*

18+

Александр Эрот

**Запретная страсть
графини Дюбарри**

«Автор»

2026

Эрот А.

Запретная страсть графини Дюбарри / А. Эрот — «Автор», 2026

Она истинное украшение парижских салонов. Ее жизнь соткана из строгих правил, тугих корсетов и холодного брака. Он годами боготворил эту недостижимую женщину, не смея даже коснуться края ее перчатки. Но одна поездка в ночной карете все меняет. Случайно соскользнувший шелковый чулок становится искрой, из которой разгорается всепоглощающий пожар. Он открывает ей мир, где нет запретов и стыда. Мир, где ее тело — совершенный инструмент наслаждения. Теперь каждый званый ужин превращается в опасную игру: пока общество ведет чопорные беседы, под белоснежными скатертями творится обжигающее тайное безумие. Это эротическая история о чувственном пробуждении, власти над мужчиной и женщиной, которая осмелилась выбрать свободу. Изысканный, атмосферный и невероятно откровенный роман для тех, кто любит красивые тайны, эстетику XIX века и страсть, от которой кружится голова.

© Эрот А., 2026

© Автор, 2026

Александр Эрот

Запретная страсть графини Дюбарри

Я столько лет мечтал приблизиться к этой невероятной девушке, и вот мы едем вдвоём в одной карете, и она бросает на меня двусмысленные взгляды. Вдруг она как бы невзначай начала поправлять чулки, демонстрируя свои красивые ноги.

Этот жест, казалось бы, такой простой, такой обыденный для женщины, оставшейся наедине с собой, в тесном пространстве кареты приобрел масштабы вселенского откровения. Мое дыхание перехватило. Я смотрел на эту полоску бледной, светящейся в полумраке кожи между краем темного шелка и пеной кружевных нижних юбок, и чувствовал, как рушатся годы моего благоговейного, почти монашеского терпения.

Ее звали Изабелла. Для меня она всегда была эфемерным созданием, божеством, сотканным из недоступных улыбок, бальных платьев, запаха фиалок и легкого звона смеха в гостиных, где я мог лишь издали наблюдать за ее триумфами. Я возвел ее на пьедестал, вылепил из нее ангела, не смея даже в самых смелых фантазиях коснуться края ее перчатки. Но сейчас, в этой раскачивающейся на брусчатке карете, где пахло нагретой кожей сидений и ее терпкими, дурманящими духами с нотами жасмина и мускуса, Изабелла разрушала мой алтарь одним движением изящной руки.

Она не торопилась. Ее пальцы, затянутые в тончайшую сетку митенок, медленно скользили по краю чулка, разглаживая невидимые морщинки на шелке. Ткань издавала тихий, шелестящий звук, который в наступившей тишине казался мне оглушительным. Изабелла слегка откинула голову на бархатную спинку сиденья, ее губы были чуть приоткрыты, а глаза — эти невероятные, глубокие глаза, в которых я привык видеть лишь светскую учтивость — теперь мерцали темным, влажным огнем. В них читалась откровенная, почти жестокая насмешка над моей робостью, смешанная с призывом, от которого у меня закружилась голова.

— Вы так молчаливы сегодня, — произнесла она низким, вибрирующим голосом, который, казалось, коснулся самой моей души. Ее нога в туфельке из мягкой кожи чуть сдвинулась, и край платья скользнул еще выше, обнажая подвязку, украшенную маленькой атласной розой.

Я попытался сглотнуть, но горло пересохло. Мой голос прозвучал хрипло, словно принадлежал чужаку:

— Я... я просто не верю своему счастью. Находиться здесь, с вами...

Она тихо рассмеялась, и в этом смехе была свобода, о которой я и не подозревал. Изабелла, эта непогрешимая икона высшего общества, оказалась женщиной из плоти и крови, женщиной, которая знала цену своей красоте и упивалась властью над моим рассудком.

— Счастье, мой друг, — прошептала она, подаваясь чуть вперед, так что аромат ее тела окутал меня с головой, — это не то, во что нужно верить. Это то, что нужно брать. Пока оно не ускользнуло, как этот непослушный шелк.

С этими словами она снова опустила взгляд на свое колено. Моя рука, повинувшись инстинкту, древнему, как сам мир, и сильному, как гравитация, оторвалась от трости, на которую я опирался, и медленно потянулась к ней. Я ждал, что она отстранится, что нахмурит брови, что игра закончится резким выговором. Но она лишь следила за моим движением из-под полуопущенных ресниц, и в ее взгляде разгоралось торжество.

Мои пальцы коснулись ее ноги. Сначала только самый край кружева. Я почувствовал тепло ее тела сквозь ткань. Меня пробила дрожь. Столько лет снов, столько ночей, проведенных в тоске, и вот — реальность, которая оказалась острее, горячее, пронзительнее любой фантазии. Я медленно, не веря самому себе, провел ладонью по гладкому шелку чулка вверх, к обнаженной полоске кожи над подвязкой.

Кожа Изабеллы была подобна теплему мрамору, нежная, бархатистая, отзывающаяся на мое прикосновение едва заметной дрожью. Она глубоко вздохнула, ее грудь, стянутая корсетом, высоко поднялась, и я услышал, как сбилось ее дыхание. Карету качнуло на повороте, и это движение бросило нас друг к другу. Я не стал сопротивляться.

Я упал на колени прямо на узком полу экипажа, между складками ее тяжелого платья. Мое лицо оказалось на уровне ее бедер. Я смотрел снизу вверх на ее полуприкрытые глаза, на разметающиеся локоны, выбившиеся из строгой прически. Она больше не была светской львицей. В этот миг в ней проснулась первобытная жрица любви, женщина, познающая сладость собственного желания.

— Изабелла... — выдохнул я, зарываясь лицом в прохладный шелк ее платья, целуя ее колени, внутреннюю сторону бедер там, где заканчивались чулки. Мои губы касались ее кожи, и каждый поцелуй был словно глоток вина после долгой жажды. Я целовал ее с исступлением верующего, дорвавшегося до святыни, но моя религия была плотской, страстной, не знающей стыда.

Ее руки легли на мои плечи. Тонкие пальцы впились в ткань моего сюртука, а затем скользнули к волосам. Она гладила мою голову, направляя, поощряя, не давая остановиться.

— Да... — сорвалось с ее губ, и это короткое слово стало для меня высшим позволением, ключом от врат рая.

Я поднялся, не в силах больше терпеть разделяющее нас расстояние. Я сел рядом с ней, притянул ее к себе, обхватив за талию, и наши губы встретились. Это не был робкий поцелуй влюбленного юноши. Это было столкновение двух стихий. Ее губы, мягкие, податливые, но в то же время требовательные, раскрылись навстречу мне. Я почувствовал вкус ее рта — сладкий, терпкий, влажный. Мой язык сплелся с ее языком в танце, который был лишь прелюдией к тому, что должно было произойти.

Мы целовались жадно, задыхаясь, забыв обо всем на свете. Экипаж продолжал свой путь сквозь ночной Париж, огни газовых фонарей мелькали за окнами, выхватывая из темноты то профиль ее запрокинутого лица, то блеск моих безумных глаз. Мир снаружи перестал существовать. Вселенная сжалась до размеров этой кареты, до ритма наших бьющихся в унисон сердец, до жара ее тела в моих объятиях.

Мои руки стали смелее. Я больше не был робким обожателем. Страсть, дремавшая во мне годами, вырвалась на свободу, сметая на своем пути все условности, правила этикета, страхи. Я расстегнул несколько пуговиц на ее лифе. Изабелла не протестовала, она лишь выгнула спину, помогая мне освободить ее от тесных оков платья. Корсет скрывал под собой сокровище, о котором я не смел и мечтать. Когда ткань разошлась, я увидел ее грудь — совершенную в своей форме, высокую, увенчанную тугими, потемневшими от возбуждения сосками.

Я наклонился и губами поймал один из них, слегка прикусывая, дразня языком. Изабелла вскрикнула — коротко, звонко, этот звук утонул в стуке копыт по мостовой. Ее пальцы еще сильнее впелись в мои волосы, она прижала мою голову к своей груди, словно желая раствориться во мне.

Вся ее сущность, ее воспитание, ее сдержанность таяли, как воск в огне. Я чувствовал, как под моими руками расцветает женщина, чья чувственность была заперта в клетке приличий. И я стал тем, кто открыл эту клетку.

Моя правая рука снова скользнула под юбки. Теперь уже не было ни колебаний, ни медлительности. Я нашел то, что искал — влажный, горячий центр ее желания, пульсирующий источник ее тайной жизни. Как только мои пальцы коснулись ее сокровенной плоти, она содрогнулась всем телом. Ее бедра подались навстречу моей руке.

— Не останавливайся... умоляю, — ее шепот был прерывистым, в нем звучала сладкая мука.

Я ласкал ее, находя правильный ритм, играя на ее теле, как на самом совершенном музыкальном инструменте. Я исследовал ее глубины, чувствуя, как она становится все горячее, как влага ее желания струится по моим пальцам. Я смотрел в ее лицо. Глаза Изабеллы были закрыты, голова откинута назад, длинная, лебединая шея напряжена. На ее скулах горел лихорадочный румянец. Она была прекрасна в своей сладострастии, в своей безоглядной капитуляции перед чувством.

Карета подпрыгнула на очередном ухабе, и это движение бросило ее прямо на меня. Она распахнула глаза, в которых теперь читалась абсолютная, дикая решимость.

— Я хочу тебя, — сказала она громко, не стесняясь ни кучера за стеной, ни случайных прохожих. В этом признании была сила, равная удару молнии.

Мы больше не могли ждать. Пространство кареты было тесным, но для двух тел, снедаемых огнем, преград не существует. Я помог ей освободиться от части нижних юбок, которые мешали нам. Мои руки дрожали, когда я расстегивал свои брюки, извлекая на свет свое напряженное, готовое разорваться от желания естество.

Изабелла приподнялась. Опираясь руками о мои плечи, она перекинула одну ногу через мои бедра, оседлав меня. Пышные складки ее платья накрыли нас, как шатер, скрывая самое сокровенное таинство. Она зависла надо мной, глядя мне прямо в глаза. В этот момент между нами не было тайн. Моя многолетняя мечта обрела плоть, вес, запах и невыносимый жар.

Она начала медленно опускаться. Я охнул, когда почувствовал, как она принимает меня в себя — горячая, тесная, пульсирующая влагой шелковая бездна. Изабелла закусил губу, ее лицо исказилось от сладкой боли и полноты ощущений. Она принимала меня дюйм за дюймом, пока мы не слились воедино так плотно, что казалось, нас невозможно разделить.

— Наконец-то... — выдохнула она, и в этом выдохе была целая вечность ожидания, которое, возможно, терзало и ее. Кто знает, может быть, за ее холодной светской маской все эти годы скрывалась такая же безумная жажда, как и во мне?

Она начала двигаться. Сначала медленно, осторожно, привыкая к моему размеру, к ощущению заполненности. Ее бедра описывали плавные круги, каждое ее движение заставляло меня сходить с ума. Я обхватил ее за талию, помогая ей, задавая ритм, который вскоре стал яростным, неистовым.

Ритм кареты смешался с ритмом наших тел. Мы летели сквозь ночь, спрятанные от всего мира в этой деревянной коробке, обитой бархатом, и творили свой собственный мир. Ее груди раскачивались перед моим лицом, и я снова и снова прижимал к ним губами, оставляя на белой коже красные следы своих поцелуев.

Изабелла стонала, не сдерживаясь. Ее стоны, гортанные, глубокие, сводили меня с ума. Она откинулась назад, опираясь руками о стенки кареты, и стала двигаться быстрее, жестче. Я чувствовал, как внутри нее нарастает напряжение, как ее мышцы сжимают меня пульсирующими волнами. Ее дыхание превратилось в серию коротких всхлипов.

— Быстрее... да... еще! — шептала она, словно в бреду.

Я прижал ее к себе, перехватив инициативу. Я толкался в нее глубоко, сильно, отдавая ей все годы своего ожидания, всю свою нерастратченную нежность и животную страсть. Я хотел проникнуть в самую ее суть, стать частью ее души, отпечататься в ее теле навсегда.

Волны экстаза уже накатывали на нас обоих. Изабелла вдруг резко напряглась, ее ногти впились в мои плечи сквозь ткань сюртука. Она вскрикнула, запрокинув голову, и я почувствовал, как внутри нее начались спазмы, такие сильные, что мое собственное удовольствие вырвалось наружу. Я излился в нее с первобытным рыком, содрагаясь всем телом, теряя связь с реальностью, проваливаясь в ослепительную волну удовольствия.

Мы замерли. Тяжело дыша, мы прижимались друг к другу, покрытые испариной. Мое лицо было зарыто в ее спутанные, пахнущие жасмином волосы. Изабелла лежала на моей груди, ее сердце колотилось о мои ребра, как пойманная птица.

Стук копыт стал замедляться. Карета плавно сбавляла ход. Мы возвращались в реальный мир.

Изабелла медленно приподнялась. Ее глаза были затуманены, губы припухли от поцелуев, а на щеках играл румянец, которого не смогла бы добиться ни одна парижская модистка. Она слабо улыбнулась мне, и в этой улыбке была нежность и глубокое, интимное соучастие.

С поразительной ловкостью женщины, привыкшей хранить секреты, она начала приводить себя в порядок. Я помогал ей, застегивая непослушные пуговицы лифа, разглаживая смятые юбки. Мы молчали, но это молчание было красноречивее любых слов. Моя рука скользнула по ее ноге вниз, чтобы поправить тот самый чулок, с которого все началось. Я натянул шелк, закрепил подвязку и на прощание поцеловал ее обнаженное колено, прежде чем ткань платья скрыла его.

Карета остановилась. Снаружи слышались шаги кучера.

Изабелла достала из сумочки зеркальце и поправила прическу, приколов на место выпавшие шпильки. Когда дверца кареты распахнулась, впуская внутрь прохладный ночной воздух и свет уличных фонарей, передо мной снова сидела безупречная светская дама. Лишь слегка сбившееся дыхание и блеск в глазах выдавали ту вакханку, что стонала в моих объятиях минуту назад.

Я вышел первым и подал ей руку. Она оперлась на нее, спускаясь на тротуар. Ее пальцы на мгновение крепко сжали мою ладонь.

— Благодарю вас за прекрасную поездку, — произнесла она светским, ровным тоном, но ее глаза смеялись. — Надеюсь, вы нанесете мне визит завтра вечером? Мой супруг отбывает в Лион, и мне будет... очень одиноко.

— Всенепременно, мадам, — ответил я, склоняясь в глубоком поклоне, целуя ее руку в перчатке. — Можете не сомневаться.

Она развернулась и пошла к дверям своего особняка, а я остался стоять в ночной прохладе, чувствуя на своих губах вкус ее поцелуев, а на руках — аромат ее тела. Я знал, что моя жизнь больше никогда не будет прежней. Пьедестал был разрушен, иллюзия рассеялась, но реальность, которую я обрел в этой карете, была тысячекратно прекраснее любых снов. Это было только начало нашего долгого, сладострастного пути, на котором не было места ни страху, ни запретам — только чистая, обжигающая истина желаний.

Я забрал из ее тонких пальцев недокуренную сигарету, затушил ее о край хрустальной пепельницы и повернулся к ней. В полумраке свечей Изабелла казалась не просто женщиной, а воплощением самой идеи чувственности, божеством, только что сбросившим с себя мраморную оболочку. Ее просьба научить ее всему не была кокетством. Это был призыв неопита, жаждущего посвящения в таинства, от которых его слишком долго отлучали.

— Истинное познание, Изабелла, начинается с того, чтобы увидеть себя без прикрас, — прошептал я, поднимаясь с измятого черного шелка. Я протянул ей руку. — Идемте.

Она вложила свою ладонь в мою, поднялась с грацией сытой пантеры, и я повел ее через слабо освещенную комнату к огромному венецианскому зеркалу, занимавшему пространство от пола до потолка между двумя высокими окнами. Зеркало, обрамленное в потемневшее золото, хранило в своей глубине отражение свечей и теней, но теперь в нем появились мы.

Я встал позади нее, положив руки на ее обнаженные плечи. В стекле отражалась картина, достойная кисти мастера эпохи Возрождения: бледная, сияющая алебастром кожа женщины и темный, мускулистый силуэт мужчины, возвышающийся над ней, как тень ее собственных тайных желаний.

— Смотрите, — тихо велел я, мои губы почти касались ее уха. — Смотрите на женщину в зеркале. Это не графиня де Валуа, чье имя украшает списки приглашенных на королевские балы. Это настоящая вы. Создание плоти, созданное для наслаждения.

Изабелла послушно смотрела прямо перед собой. Ее грудь тяжело вздымалась, соски, отражающиеся в амальгаме зеркала, были напряжены и потемнели от прилившей крови. Глаза, огромные и черные, казались бездонными колодцами. В них боролись остатки бывлой гордости и зарождающееся бесстыдство.

Мои руки медленно скользнули с ее плеч вниз, очерчивая линию ключиц, затем легли на ее груди. Я сжал их, чувствуя мягкую тяжесть и упругость плоти. В зеркале я видел, как ее лицо исказилось от внезапного спазма удовольствия, как она закусила нижнюю губу. Мои большие пальцы принялись дразнить ее соски, лаская их круговыми движениями, заставляя их твердеть еще больше под моей кожей.

— Вы прекрасны, — шептал я, наблюдая за тем, как мой шепот и мои руки разрушают ее контроль. — Ваше тело — это совершенный инструмент, который годами пылился в футляре приличий. Но посмотрите, как оно отзывается на правду.

Мои ладони скользнули ниже, по впалому животу, к изгибу талии, а затем одна рука легла на ее бедро, в то время как другая медленно, дразняще проникла в темный треугольник волос. Я нашел ее сокровенную щель — она снова была влажной, горячей, истекающей нектаром ее неутолимого желания.

Изабелла издала низкий, гортанный стон, ее колени слегка подогнулись, и она откинула голову мне на грудь, но не закрыла глаз. Она смотрела в зеркало, замороженная зрелищем собственного падения. Она видела, как мои пальцы погружаются в ее плоть, как я раздвигаю ее влажные лепестки, находя набухшую жемчужину.

Я начал ласкать ее — медленно, ритмично. Вторая моя рука легла ей на горло, не сжимая, но давая почувствовать абсолютную власть. Эта смесь нежности и подчинения сводила ее с ума.

— Вы видите, как легко распадается ваша броня? — мой голос был хриплым гипнотическим заклинанием. — Как мало нужно, чтобы светская львица превратилась в покорную жрицу страсти.

— Да... — выдохнула она, ее бедра начали непроизвольно двигаться в такт моим пальцам. В зеркале отражался лихорадочный румянец, покрывший ее скулы и грудь. — Смотреть на это... смотреть на себя... это безумие.

— Это свобода, Изабелла.

Я проник в нее двумя пальцами, глубоко, до самого основания, и одновременно нажал на центр удовольствия. Она вскрикнула, запрокинув голову так сильно, что ее густые волосы рассыпались по моим рукам. В зеркале я видел, как сокращаются мышцы ее живота, как она подается назад, насаживаясь, ища спасения в той самой боли и сладости, что я ей причинял. Она билась в моих руках, как птица, пойманная в силки наслаждения, и ее первый, зеркальный оргазм захлестнул ее новой, еще более мощной волной, заставив ее колени окончательно подогнуться.

Я удержал ее, не дав упасть, и медленно опустил на пушистый персидский ковер, расстеленный у подножия зеркала. Изабелла лежала на спине, раскинув руки, ее грудь ходила ходунком. В тусклом свете она походила на жертву, принесенную на алтарь Эроса, и одновременно на божество, принявшее эту жертву.

Но философия любви, которую исповедовал я, не терпела односторонности. Отдав ей власть над ее собственными чувствами, я должен был научить ее брать власть надо мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.